

INSPIRIA

НЯНЬКА

**МЕНЯ ВОСПИТЫВАЛ
СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА**

ЛАЙЗА РОДМАН
ДЖЕННИФЕР ДЖОРДАН

INSPIRIA

Tok. True Crime Story. Главный
документальный триллер года

Лайза Родман

**Нянька. Меня воспитывал
серийный убийца**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Родман Л.

Нянька. Меня воспитывал серийный убийца / Л. Родман —
«Эксмо», 2021 — (Tok. True Crime Story. Главный
документальный триллер года)

ISBN 978-5-04-162085-1

Главная тру-крайм книга 2021 года по версии MARIE CLAIRE. Мемуары женщины, друг семьи которой был серийный убийца Тони Коста, прозванный «Джеком-Потрошителем эпохи хиппи». Бурные 1960-е, время хиппи, рок-н-ролла и наркотиков. У маленькой Лайзы не самая лучшая мать. Девочка слышит от нее только ругань и пренебрежение, а сама мама больше озабочена поиском новых мужчин, чем воспитанием дочери. Но все меняется, когда в их семье появляется «нянька» — местный разнорабочий Тони Коста, который иногда присматривает за Лайзой и ее младшей сестренкой. Он возит девочек на своем фургоне, покупает им сладости, и впервые Лайза получает от кого-то комплименты, а не тычки и затрещины. Они с сестрой думают, что Тони — «отличный парень». Но чего они не знают: их «нянька» на самом деле — серийный убийца. Тони Коста, прозванный «плотником-убийцей» и «Джеком-Потрошителем эпохи хиппи», вел асоциальный образ жизни, убивал и расчленял девушек, с которыми близко сошелся на почве употребления наркотиков. В детстве Лайза не понимала, что загадочные убийства, о которых шепчутся взрослые, — дело рук Тони, но повзрослев и осознав, погрузилась в расследование его убийств. «Нянька» — частично тру-крайм, частично собственные воспоминания — это книга о злобном серийном убийце, который по стечению обстоятельств стал харизматичным «нянькой» для маленькой девочки, жаждущей любви и внимания. «Захватывающе, остро и душераздирающе... Авторы в своей книге выходят за рамки простого развлечения и исследуют дисфункциональные семьи. В конце концов, это история выживания Лайзы Родман — и ее силы духа». — The Bookreporter «Убедительный и деликатный гибрид мемуаров и тру-крайма — беспощадный в своей прямоте». — The Independent «Интимный, личный взгляд от первого

лица и легкий для чтения стиль привлекут читателей к страницам!» – Booklist
«Захватывающе... Не оторваться». – Publishers Weekly Понравилась книга?
Знаем, что стоит прочитать дальше! На последней странице или в PDF-
приложении вы найдете секретный промокод на скидку 40%

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-162085-1

© Родман Л., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лайза Родман, Дженнифер Джордан

Нянька. Меня воспитывал серийный убийца

*«Не нужно комнат привиденью,
Не нужно дома...»*

Эмили Дикинсон (пер. А. Бергера)

Liza Rodman, Jennifer Jordan

THE BABYSITTER: MY SUMMERS WITH A SERIAL KILLER

Copyright © 2021 by Marathon Mediaworks, Inc. and Jennifer Jordan

© Новикова Т.О., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Перед вами книга, в которой воспоминания совмещены с повествовательной нон-фикшн историей. История Лайзы ограничена детской памятью. Мы понимаем, что у других людей могут быть иные воспоминания о тех же событиях. Но все, что связано с Тони Костой и его преступлениями, описано по оригинальным документам и источникам: полицейским рапортам, документам детективов, расшифровкам интервью, судебным документам, результатам психо-

логических и медицинских обследований Тони. Мы использовали материалы девяти исследований на полиграфе и выдержки из многочисленных медицинских документов. Нам повезло – мы сумели получить более пятидесяти часов записей интервью с Тони Костой во время его пятнадцатимесячного заключения в тюрьме Барнстейбл. Кроме того, мы побеседовали с десятками тех, кто знал Тони и был свидетелем всего произошедшего.

Ради ясности понимания мы внесли в материалы незначительные грамматические и редакторские исправления. Некоторые имена и важные детали были изменены.

Пролог Кошмар Лайзы

2005 год

– Закрой глаза и считай до десяти, – прошептал он.

Я почувствовала его дыхание на щеке. Ствол пистолета холодил лоб. Я стала считать. Когда я открыла глаза, он исчез.

Я подскочила на постели, задышавшись и обливаясь потом. *Что за чертовщина?!*

Ночь выдалась безлунной, и в комнате царила непроглядная темень. Очередной кошмар. Кошмары мучили меня почти два года, и с каждым разом становились все более жестокими и яркими. Каждый раз меня преследовал незнакомец с ножом или пистолетом. Я пыталась узнать его, но не могла рассмотреть лица, словно на нем была черная балаклава. Когда он находил мое укрытие, лицо его начинало проявляться, но в этот момент я просыпалась. Сердце мое колотилось как бешеное, адреналин наполнял все тело, и ноги начинали болеть.

Но этот кошмар был другим. Во сне я снова была маленькой девочкой, лет девяти-десяти. В летней пижаме я брела по длинному гостиничному коридору. Неожиданно путь мне преградил мужчина со скрытым лицом. Он прижал меня к стене, приставил пистолет ко лбу. Я посмотрела на него и наконец-то разглядела его лицо. Этого человека я не видела с детства, когда жила в Провинстауне, штат Массачусетс.

Тони Коста.

Тони работал ремонтником в приморском мотеле, где моя мать летом работала горничной. Он чинил сантехнику и мебель. Его все любили, особенно я. Он был частью непрерывной череды так называемых нянь, которых мама нанимала присматривать за мной и моей младшей сестрой Луизой. Мама ухитрялась найти няню быстрее, чем произносится это слово. Она останавливала людей в супермаркетах, на почте или автозаправке и спрашивала: «Не хотите поработать бебиситтером?» Чаще всего люди смотрели на нее как на сумасшедшую. Никто не понимал, как она может доверить детей первому встречному – ведь даже сантехнику или автомеханику требуются рекомендации. Но некоторые соглашались. Таким человеком стал Тони, причем оказался он одним из лучших. Он был одним из немногих по-настоящему добрых взрослых людей в тот период моей жизни. Но в 1969 году, когда мне было десять, Тони исчез. Я не знала почему – просто пропал.

Почему же Тони Коста вернулся в мои сны? Почему он приставлял пистолет к моей голове и улыбался, щерясь, как волк? Я вспоминала его только добром: Тони был хорошим парнем. Он никогда не кричал, не бил меня. Рядом с ним я никогда не чувствовала себя маленькой, страшенькой и нежеланной. Я боялась матери, но никак не Тони. И когда он неожиданно появился в ужасном кошмаре, это меня озадачило.

Идти мне было некуда, и я сделала то, от чего давным-давно зареклась – попросила помощи у матери. Я пригласила ее на ужин. К нам с Тимом она приехала уже навеселе. Поднимаясь на крыльцо, она явно покачивалась. Ей уже исполнилось семьдесят. Куда бы она ни пошла, в сумочке у нее всегда была пластиковая бутылочка джина.

– Веселые были времена, – сказала она, усаживаясь за стол и покачивая бокалом, где весело звякали кубики льда.

Воспоминания о лете, проведенном в Кейп-Код, когда она была симпатичной разведенкой тридцати лет, ей были приятны. Тогда большую часть свободного времени она проводила в разных барах и танцевальных клубах. Поклонники у нее не переводились. Мама сделала боль-

шой глоток джина и откинулась на спинку стула, а я добавила последние приправы в суп, стоявший на плите.

– Мама, а не случилось ли со мной тогда чего-то такого, о чем ты мне не рассказывала? – спросила я, пораженная неожиданной мыслью.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла она.

– Я говорю про Тони Косту.

– Тони Косту?! Почему ты все еще о нем думаешь?

– Я не думала, пока у меня не начались кошмары.

– О господи, снова ты и твои сны, – хохотнула мама, делая очередной глоток.

– Но на этот раз мне приснилось нечто ужасное. И я не понимаю почему. Он всегда был так добр ко мне... Что ты о нем помнишь?

Мама промолчала. Я перестала помешивать суп и повернулась к ней, ожидая ответа. Мама уставилась на свой стакан. Она редко умолкала, чтобы обдумать свои слова, поэтому я с любопытством ожидала, что она мне ответит.

Она снова покачала бокалом и спокойно, словно читая прогноз погоды, ответила:

– Я помню, что он оказался серийным убийцей.

У меня закружилась голова. У меня сохранились разрозненные воспоминания об убийствах в Провинстауне в те годы, когда мы там жили, но мне никто не говорил, кто был убийцей. Я вспоминала обрывки ужасных преступлений – слегка прикопанные трупы, вырезанные сердца, отметины зубов на трупах...

Неожиданно мне припомнилась картинка – такая же яркая и живая, как кастрюля с супом на моей плите. Две мои маленькие загорелые ступни лежат на торпеде хозяйственного пикапа того мотеля. Между пальцами застряли песчинки, на ногтях больших пальцев остатки красного лака. Мне нравилось, как хорошо загорели ступни за долгое лето, проведенное практически без обуви. И вот я положила их на торпеду и поворачивала в разные стороны, восхищаясь собственной красотой. Я никогда не была красивой, как мама, но ступни мои не уступали ее ногам. Пикап, как всегда, вел Тони Коста.

Я тряхнула головой, чтобы отогнать видение и снова повернулась к маме:

– Серийным убийцей?! Тони?! Бебиситтер?!

– Да не драматизируй ты, – отмахнулась мама. – Он не был *бебиситтером*. Он был *ремонтником*.

Мне показалось, что кто-то ударил меня под дых.

– Ремонтник в мотеле... – повторила я, и мне стало ясно, откуда в моем кошмаре длинный гостиничный коридор.

– Но мы с Луизой ездили вместе с ним по всему Кейпу, – пробормотала я. – Он брал нас с собой на свалку и в лес Труро... Тони был *Вампиром из Кейп-Кода*? Наш Тони? *Серийный убийца*?

Я не могла подобрать слов.

– Да, ну и что? – ответила мама, потянувшись за джином. – Он же *тебя* не убил, верно?

Глава 1

Тони

Антон Чарльз «Тони» Коста родился сразу после полуночи, 2 августа 1944 года. Его мать, Сесилия, была замужем за его отцом, Антоном Фонсека Костой. Они поженились в 1928 году и пятнадцать лет безуспешно пытались завести ребенка. Наконец Сесилия забеременела, а Антон, помощник плотника на американской военно-морской базе, вернулся на Тихий океан, где шла война. Сесилия больше никогда его не видела, а он не увидел своего сына и тезку. 21 апреля 1945 года Антон утонул на Новой Гвинее, пытаясь спасти своего боевого товарища. Это произошло в последние дни Второй мировой войны. Маленькому Тони было всего восемь месяцев.

После смерти Антона прошло всего пять месяцев. Незамужняя Сесилия забеременела от мужчины, который был на четырнадцать лет ее младше. Джозеф Бонавири владел небольшой каменоломней в Сомервилле, рабочем городке, севернее Бостона. После проблем, пережитых с Антоном, отношения с молодым каменщиком мгновенно увенчались беременностью, хотя в ее квартале, где жили преимущественно католики и иммигранты, подобное поведение не приветствовалось. Сесилия и Джозеф поженились в мае 1946 года. Через шесть недель у них родился сын. Винсент, «Винни» Бонавири, родился спустя почти два года после своего сводного брата Тони.

Тони вырос красивым мальчиком с яркими, сияющими глазами. Но, становясь старше, он сделался буквально одержим своим погибшим отцом. Он снова и снова упрашивал Сесилию рассказывать ему об отважном Антоне, герое войны. Это была его любимая сказка на ночь. Позже он говорил, что в мельчайших деталях помнил похороны отца, хотя в тот момент ему было всего четыре года. Тони часами мог перебирать вещи отца, присланные флотом с Тихого океана. Больше всего ему нравилась отцовская парадная форма. Письмо от командования Тони с гордостью носил в школу и показывал одноклассникам. А еще ему страшно нравился огромный нож, который можно было бы назвать кинжалом¹. Нож лежал в самодельных кожаных ножнах. Сесилия старалась отвечать на все вопросы Тони, но интерес мальчика к погибшему отцу – и главным образом к тому, как он погиб – превратился в навязчивую идею.

В семь лет Тони рассказал матери, что по ночам к нему в комнату приходит «человек», который с ним разговаривает. Сесилия показала ему фотографию отца, и Тони кивнул: «Да, это он». Тони никогда не рассказывал, были ли эти посещения чистой фантазией, навязчивой идеей, детскими ночными кошмарами или к нему действительно приходил какой-то мужчина.

Каждое лето Сесилия отвозила Тони и Винни к сестре, в Провинстаун. Там она работала горничной в мотеле, а мальчики были предоставлены сами себе. Хотя Сесилия родилась в этом городе, Тони и Винни здесь считали чужаками и вечно задирали. Они никогда не чувствовали себя здесь своими. Хотя братья с детства были неразлучны (их даже называли Тони-энд-Винни и Винни-энд-Тони²), Тони вечно подначивал младшего брата: «Винни, тощий, мелкий кролик, с глазками-равиоли! Сунем его в печку, приготовим из него картошку!»³

Летом Тони и Винни часто играли с местным мальчишкой, Фрэнком Гаспаром. Тот жил в Провинстауне круглый год. Он происходил из португальской семьи – местные португальцы

¹ * Винсент Бонавири, беседа с детективом лейтенантом-инспектором Ричардом Кассом, 7 марта 1969 года. Здесь и далее звездочкой отмечены материалы из архивов и особых коллекций библиотеки Кентского университета (Огайо). Архив Лео Дамора, коробки 29–53.

² Фрэнк Гаспар, электронное письмо автору, 27 марта 2019 года.

³ Avis L. Johnson, «Avis and Pete's Illiterate Writers Group», Facebook, <https://www.facebook.com/groups/59552262922/?ref=nftarget&fref=nf>, март 2010 года.

работали на рыбоперерабатывающем заводе, а их жены на воскресный обед готовили пасту с моллюсками или макрель в вине с чесноком. Целыми днями они перекрикивались между собой на смеси языков. Семья Фрэнка целый год жила на то, что зарабатывала летом. Летом деньги поступали исправно, а вот холодные месяцы превращались в настоящий кошмар – семья редко могла позволить себе такую роскошь, как отопление и горячая вода.

Тони с самого начала отличался от других детей – он был умнее, хитрее и более замкнутым. Фрэнк Гаспар вспоминал, что Тони «вечно был где-то не здесь, хотя находился рядом»⁴. Однажды мальчишки отправились на пляж, и Фрэнк попросил Тони подождать, пока он захватит что-то со двора.

– Время и приливы никого не ждут, – заявил Тони. Он указал на себя, потом на Винни и пояснил:

– Я – время, он – прилив.

Фрэнк подумал, что это самые умные слова, какие он когда-либо слышал в жизни.

Тогда мальчишки собирали купоны из комиксов и заказывали на них разные волшебные предметы – наборы супергероев, рогатки, рентгеновские очки, криптонит и игрушечных солдатиков. Тони же не стал заказывать дешевые игрушки, а выбрал себе набор таксидермиста по каталогу «Сирс». Позже Винни вспоминал, что чучельник из Тони получился неважный: «Он не смог бы набить даже сосиску»⁵. Тем не менее Фрэнк замечал, что Тони убивает и потрошит мелких животных, хотя ни одного чучела никто так и не увидел.

Зимой в Сомервилле Тони держал набор таксидермиста в подвале своего дома на Хадсон-стрит в квартале Винтер-Хилл (именно здесь действовала печально известная банда Уайти Балджера). Тони целыми днями экспериментировал с химикатами и инструментами. Позже в районе вспоминали, что в те годы исчезало множество домашних животных, больше всего кошек, но тогда никто не связал эти таинственные исчезновения с юным Тони Костой. Кошки вечно убегают...

Несмотря на то что Тони кучу времени тратил на мертвых животных и набор таксидермиста, учился он хорошо. В школе его считали одаренным учеником, он пользовался популярностью. Когда ему исполнилось одиннадцать, Джозеф Бонавири взял его на работу в свою компанию. Тони умел хорошо считать в уме. Он отлично справлялся с бухгалтерскими расчетами – умело подсчитывал доходы, налоги, страховку, социальные вычеты. Его расчеты могли удовлетворить даже самого придирчивого аудитора. Бонавири прозвал своего приемного сына Чудорбенком⁶. Когда Тони исполнилось тринадцать, он получил рекомендацию в старшую школу Вестерн-Джуниор, где отмечались его «поразительный дух сотрудничества и честность». Учитель английского вспоминал, что он был очень спокойным юношей, которого все любили.

Тони не исполнилось еще и двенадцати, когда в Провинстауне, куда семья приехала на лето, местный парень заманил его в подвал собственного дома, связал и изнасиловал⁷. Как это часто бывает с сексуальным насилием в отношении детей, в полицию никто не заявлял. Тони никогда не рассказывал, кто был насильником. Неизвестно, было ли это однажды или несколько раз. Говорил он лишь, что это был «старший мальчишка». Спустя более пятидесяти лет, в 2009 году, бывшая жена Тони по-прежнему отказывалась называть насильника. Она говорила лишь, что человек этот до сих пор жив и все еще живет в Провинстауне. Но жена Тони была твердо уверена, что «те события оказали сильное влияние на психику мужа»⁸.

⁴ Фрэнк Гаспар, электронное письмо автору, 29 марта 2019 года.

⁵ * Винсент Бонавири, беседа с Морисом Голдманом, 9 марта 1969 года.

⁶ * Lester Allen Sr., A Shuddering of Girls, неопубликованная рукопись, 1970 год.

⁷ Avis L. Johnson, «Avis and Pete's Illiterate Writers Group», Facebook, 14 сентября 2009 года.

⁸ Там же.

Похоже, в Провинстауне Тони подвергался сексуальному насилию не единожды. Местный мальчишка, Кори Деверо, который дружил с Тони, рассказывал, что «каждое чертовое воскресенье»⁹ он сам и другие мальчишки подвергались сексуальному насилию со стороны приходского священника церкви Святого Апостола Петра, отца Лео Дуарте. Когда Деверо было семь лет, священник напоил его и других алтарников вином со специями, сказав, что это «кровь Христова». А потом Дуарте стал уводить мальчишек по одному в укромный уголок. В отличие от нападения «старшего мальчишки» на Тони, о насилии над Деверо стало известно полиции – его нашли на улице без сознания, и полиции пришлось разбираться. Городской врач, доктор Дэниел Хиберт и начальник полиции Фрэнсис Маршалл обо всем рассказали матери мальчика, и эта история вышла на свет.

Но «насильникам ничего не было» – неудивительно, что Кори до сих пор преисполнен гнева и ненависти к католической церкви, покрывающей священников-педофилов. Хотя прошло уже шестьдесят лет, но чувства его все еще сильны.

Кем бы ни был насильник Тони и что бы мальчик ни почувствовал из-за изнасилования, вера в Бога у него пошатнулась. Хотя Тони женился и крестил детей в церкви, на службы он никогда не ходил – пока не попал в тюрьму за убийство первой степени. Там он посещал церковь почти каждый день.

3 августа 1960 года Тони исполнилось шестнадцать. На деньги, оставшиеся после смерти отца, Сесилия купила ему первую машину, подержанный драндулет. Машину Тони просто обо-жал. Он даже снял соседский гараж, чтобы не оставлять ее ночами на улице. Но к гаражу при-лагалась соседская дочь Донна, которая в Тони по уши влюбилась. Тони же считал ее «приста-вучей тощей язвой»¹⁰.

Трудно винить девушку, которой показалось, что Тони ей симпатизирует. За год до этого, когда Донне было тринадцать, Тони начал зазывать ее в подвал своего дома, а там он связывал ей руки, укладывал на стол и стягивал с нее трусики. Тони утверждал, что просто «смотрел на нее». В ноябре 1961 года, по словам Тони, Донна дала ему ключ от своего дома, чтобы, когда родители заснут, он поднялся к ней в спальню. Он поднялся, но когда уже стоял перед кроват-ью Донны, она закричала и он выбежал из дома. Через несколько дней Тони попытался снова затащить ее в подвал. Донна снова закричала, Тони дал ей пощечину. Она убежала домой. От пощечины остался синяк, мать начала расспрашивать, и Донна сказала, что Тони «ее не выпускал»¹¹. Она рассказала родителям, что несколько дней назад проснулась и увидела его в своей спальне. Он ласкал ее через ночнушку. Хотя показания расходились, Тони арестовали, обвинили в нападении, избиении, проникновении в чужое жилище и попытке изнасилования. На суде Тони заявил, что всего лишь хотел узнать, за что Донна «его ненавидит». Судья на это не купился. Хотя прямых улик не было, его все равно осудили по обоим обвинениям и приго-ворили к году заключения с отсрочкой исполнения приговора и трехлетним испытательным сроком. Ему было приказано уехать из Сомервилля.

Сесилия приговор суда исполнила. Она отправила сына к сестре в Провинстаун, пока все не уляжется. Но все не улеглось. Спустя несколько месяцев Сесилия и Винни собрали вещишки и отправились к Тони в Провинстаун. Сесилия бросила не только Сомервилль, но и Джозефа Бонавири. Хотя на содержание Винни Бонавири еженедельно выплачивал по пятьдесят долла-ров, с Чудо-ребенком он больше не хотел иметь ничего общего.

⁹ Кори Деверо, электронное письмо Лайзе Родман, 21 сентября 2019 года.

¹⁰ * Тони Коста, беседа с лейтенантом Джоном Пауэрсом, 29 ноября 1961 года.

¹¹ Там же.

Глава 2

Лайза

Мама вышла замуж за отца, чтобы наконец-то заняться сексом. Она вечно это повторяла. На самом деле она влюбилась в отца с первого взгляда, когда увидела его на вечеринке, где он играл на пианино и распевал «Пенни с небес». Но касательно секса у нее были твердые убеждения. Добрые католички, к которым она себя относилась, не занимаются сексом до свадьбы. По крайней мере, не в 1958 году. Спустя годы, когда я спросила ее про первую брачную ночь, мама расхохоталась, вспомнив, как мой отец скакал по гостиничному номеру, «вцепившись в свою штуквинку», как они пытались избежать беременности с помощью традиционного католического метода: воздержания. Не помогло. Я родилась в точности через девять месяцев после той ночи, а моя сестра Луиза – через двадцать два месяца.

Брак родителей начинался вполне благополучно, но к тому моменту, когда мне исполнилось четыре, тихие шепоты из-за закрытой двери родительской спальни сменились скандалами настолько шумными и яростными, что мы с Луизой залезали в большой шкаф в нашей комнате, закрывали уши руками и съезжались между пыльными чемоданами. Но это не помогало. Дом у нас был крохотный, и громкие крики без труда проникали сквозь тонкие стены.

В лучшем случае нам удавалось ничего не слышать. Мама всегда была вне себя от ярости. Нашему отцу она желала смерти, твердила, что он окажет нам огромную услугу, если спрыгнет с чертова моста Сагамор. Она уже готова была собрать его вещи и вышвырнуть из дома к чертовой матери! Пусть дальше врет кому-нибудь другому, а она сыта по горло.

И однажды вечером так и произошло.

Вернувшись, отец попытался объяснить, но мама ничего не желала слушать. Они начали ссориться, а мы с Луизой спрятались в шкафу – там и заснули. Мама с трудом нашла нас, вытащила из шкафа и уложила в постель. Утром два пыльных чемодана были собраны и стояли в коридоре. Мы даже не поняли, что произошло, но отец ушел, даже не попрощавшись.

Вышвырнув мужа, мама страстно желала наконец-то освободиться от него. Но все знали, что католики не разводятся. Никогда. Мама всю жизнь старалась быть благонравной католичкой и теперь надеялась, что отец Фрэнси Ши отнесется к ней с симпатией и поможет в этой трудной ситуации. Четыре года назад он венчал родителей. Но оказалось, что мама ошибалась.

– Вы не можете развестись, – хмуро сказал отец Ши. – Это просто невозможно.

– А если аннулировать брак? – спросила мама.

– Для этого слишком поздно, – покачал головой священник. – Послушайте, Бетти, если вы не думаете о себе, подумайте о девочках. Если вы твердо решили получить развод, дети будут прокляты в глазах Отца Небесного. – Отец Ши перекрестился. – Только это важно.

– Я *твердо* решила получить развод.

Мама сама удивилась, что слова ее прозвучали холодно, а не жалобно.

Отец Ши поднялся со стула и разгладил сутану на груди.

– Тогда, думаю, вам стоит уйти, – сказал он, указывая на дверь. – Я не могу вам помочь.

Мама вышла, хлопнув дверью. Ей очень хотелось, чтобы распятие, висевшее над порогом, грохнулось на пол. К счастью, она успела дойти до машины, прежде чем хлынули слезы.

Мама часто рассказывала эту историю – свою любимую. Я не раз слышала, как она все это рассказывает своей подруге по колледжу, Джоан. Мы называли Джоан тетей, потому что они с мамой были близки словно сестры. Как сейчас помню: мама сидит на полу у телефона, который висел на стене кухни. Ноги скрещены, между ног зажат высокий стакан с ромом с колой. Рядом простенькая пепельница. Мама курит маленькую сигару или тонкую сигарету «Вирджиния» и изливает свою ярость. Ее мать, моя бабушка Нуна, говорила мне, что так поступают подруги:

они разговаривают друг с другом, пока все не выскажут и не успокоятся. Я не понимала, почему у мамы это никогда не получалось.

– Католическая церковь – это культ, а отец Ши – вонючий хорек, – твердила мама, выпуская клубы дыма, которые висели у нее над головой. – Он должен был аннулировать мой брак. Он *должен был*.

Я никогда не понимала, что это значит, но видела, что мама страшно расстроена и зла на священника. Она начала часто сквернословить. Грязные ругательства срывались с ее губ через слово. Она простить себе не могла, что столько времени в молодости провела, преклоняя колени перед чертовым культом. Конечно, мама была зла, но мне кажется, ей нравилось шокировать тетю, которая «не сказала бы слова «дерьмо», даже если ей весь рот набить дерьмом», по маминому выражению. Мама ругалась и за нее тоже. А потом она заявила тете, что сыта по горло этим чертовым католическим дерьмом. И это действительно было так. Она по-прежнему заставляла нас с Луизой каждое воскресенье ходить в церковь вплоть до конфирмации, но сама была сыта по горло.

Поэтому мама пошла в суд и получила чертов официальный развод.

Когда отец ушел, я надеялась, что мама успокоится. Но все стало только хуже. Если раньше она выплескивала свою злость на отца, то теперь его место заняла я. Когда мама с отцом учились в старшей школе, мама играла в баскетбольной команде. Ведя мяч по площадке, она привычно скрипела зубами, поэтому отец прозвал ее «Коготь». Теперь она скрипела зубами на меня. Пощечины так и сыпались со всех сторон. Я научилась не плакать, не протестовать, не вырываться – когда я пыталась, мне доставалось еще хуже. Соппротивление лишь усиливало ее ярость. Поэтому я просто стояла и смотрела, как она хлещет меня по щекам.

– Мама тебя ненавидит, – однажды сказала Луиза. В тот день мне досталось за то, что я налетела на кухонный стол и пролила мамин ром с колой.

Я отшлепала Луизу за такие слова. Она была права, но мне не хотелось, чтобы она это знала – тем более чтобы говорила вслух.

Я научилась искать удобные места, чтобы прятаться от матери. Там я часами, а то и целыми днями, в одиночестве читала детективы про Нэнси Дрю или играла с куклами. В кукольном мире я могла создать нормальную семью, мир любви, комфорта и, главное, безопасности.

Я постоянно ждала, что отец вернется, спасет меня и заберет с собой, куда бы ни лежал его путь.

Глава 3

Тони

К декабрю 1961 года, когда Тони поступил в Провинстауне в старшую школу, он уже стал довольно красивым юношей – высоким, стройным, хорошо сложенным, с ямочкой на подбородке, гладкой оливковой кожей и шапкой густых темных волос. Директор школы, по-видимому, не знал, что Тони находится на испытательном сроке по обвинению в нападении, избивании, проникновении в чужое жилище и попытке изнасилования. В характеристике директор написал, что Тони – «истинный джентльмен»¹². Тони был добр и вежлив, особенно со взрослыми. Он никогда не забывал добавить «сэр» или «мэм». Кроме того, он буквально излучал ауру чувственности. Она окутывала его, как аромат духов. Стоило ему ослепительно улыбнуться, и даже бродячий пес мгновенно превращался в ласкового щенка.

У него была соблазнительнейшая походка, походка «клевого парня», говоря языком 60-х годов. Как описывал его позже один свидетель: «Он был классным – сдержанным, спокойным, исполненным тихого презрения... Он был классным, потому что всегда делал, что хотел, что бы ни подумали окружающие. Он был классным, потому что знал, чего хотел, и никогда не сворачивал с пути»¹³.

Хотя Тони вырос в семье португальских иммигрантов, простых рабочих, и мать его была горничной, которая зимой жила на пособие и детские выплаты на Винни, Тони считал себя городским парнем, выше и умнее своих одноклассников по старшей школе Провинстауна. Он ворчал, что ребята из класса тупицы, которые целыми днями плюются жеваной бумагой и щелкают друг друга скрепками на резинке. Обществу одноклассников он предпочитал компанию ребят постарше, которые воспринимали его почти как ровесника, школьного героя. И Тони эта роль очень нравилась.

Весной 1962 года, за несколько недель до выпуска, Тони подошел к группе восьмиклассниц, стоявших перед кафе лобстеров на Коммершиал-стрит. На нем были лакированные черные ботинки с узкими носами, черные брюки и спортивная куртка. Для девочек внимание старшеклассника было настоящим чудом. Он шел *к ним*.

– Это мой кузен, – сказала одна из девочек, Джуди.

Она познакомила его с подружками, а он предложил им пакет жевательной резинки «Джуси Фрут», сказал, что «там, откуда он пришел, ее еще много». Джуди заметила на его мизинце кольцо и похвалила его.

– Хочу найти цепочку... и подходящую шейку для украшения. Есть предложения? – с ослепительной улыбкой ответил Тони. – Ну, я направляюсь в библиотеку, так что вынужден проститься с вами, очаровательные дамы. *Adieu!*

И в тот момент тринадцатилетняя Авис Лу Джонсон влюбилась. Впервые в жизни. Будущее казалось таким прекрасным. Отец ушел из семьи, когда Авис было четыре года, и с тех пор мать держала ее в ежовых рукавицах. Уход отца больно ранил юную душу девочки. Увидев, как Тони подходит к ней и ее подружкам, Авис почувствовала, что в ее жизни волшебным образом возник недостающий элемент. В дневнике она многословно описывала день, когда познакомится с богатым мужчиной, который страстно полюбит ее и купит все, что она захочет. Но вместо этого она встретила Тони Косту.

Через несколько дней после той встречи на улице Авис и Тони стали «парой». Но когда об этом узнала мать девушки, она попыталась задушить эту любовь в зародыше. Мэриен Джонсон

¹² * Документы о приеме в старшую школу Провинстауна, 15 декабря 1961 года.

¹³ * Lester Allen Sr., «A Shuddering of Girls».

считала (как и многие родители в Провинстауне), что в семнадцатилетнем Тони Косте есть что-то ужасно неправильное. Авис и ее подружки поделили жвачку и принялись спорить, кому достанется кольцо Тони в качестве кулона.

Предостережения матери на Авис не подействовали. Она знала Тони чуть ли не всю свою жизнь. Он каждый год приезжал в Провинстаун на лето. Но, увидев, как он подходит к ней с подружками тем апрельским утром 1962 года, она почувствовала, что смотрит в будущее, когда сможет вырваться из-под удушающего контроля матери и перестанет заботиться о своей сестре Кэрол, страдавшей волчанкой. Эта обязанность лежала на ее плечах тяжким грузом. Стоило ей пожаловаться, что все обязанности по дому – вынос мусора и прогулки с собакой, – приходится выполнять ей, мать рывкала: «Скажи спасибо, что можешь ходить». Состояние ее сестры Кэрол ухудшалось. Из-за постоянных болей девочка превратилась в отшельницу. Авис развлекала ее школьными историями, катала на велосипеде по всему городу, добывала для нее моллюсков в заливе и рассказывала про мальчиков. Когда Авис и Тони начали встречаться, Кэрол жадно выслушивала тайные признания сестры, а та рассказывала о страстных ласках – а потом и о сексе.

В старшем, мудром бойфренде Авис видела мужчину, способного дать ей взрослую жизнь, о которой она всегда мечтала. Ей хотелось выйти замуж. В ушах ее звучали сладкие слова «миссис Авис Коста». После конфирмации в церкви Святого Петра она вышла из церкви и увидела Тони, ожидавшего ее у подножия лестницы. Он походил на Элвиса Пресли – блейзер, отглаженные брюки, черные ботинки, набриолиненные волосы и ослепительная улыбка. Спускаясь к нему, Авис чувствовала себя счастливой невестой, а не девочкой после причастия¹⁴.

Страхи Мэриен по поводу Тони еще больше усугубились, когда она узнала, что он находится на испытательном сроке за попытку изнасилования, совершенную в Сомервилле всего год назад. Но было слишком поздно.

«Он хотел меня, – вспоминала Авис. – Мы оба хотели друг друга»¹⁵.

Поскольку ей было всего тринадцать, чтобы пожениться, им нужно было согласие матери, но Мэриен категорически отказала. Тогда подростки решили вынудить ее согласиться – для этого Авис нужно было забеременеть. Сексом они занимались на городской свалке и в Пилгрим-Спрингс – оба места располагались достаточно близко, чтобы девушка успела вернуться к следующему уроку. Когда времени было побольше, они отправлялись на печально известную «дорогу влюбленных» Труро – просеку в густом лесу за кладбищем Пайн-Гроув. Там повсюду валялись использованные презервативы – молодежь ездила сюда потрахаться, но к беременности никто не стремился. Вскоре Авис забеременела – и неудивительно, ведь они занимались сексом каждый день, иногда даже утром и вечером¹⁶.

Когда дело было сделано, Мэриен Джонсон пришлось подписать согласие на брак, но ее это совсем не радовало.

– Ты сознательно соблазнил ее, – заявила она Тони. – У тебя ни стыда ни совести. Ты это знаешь, твои родственники это знают... Ты женился, только чтобы избежать тюрьмы¹⁷.

20 апреля 1963 года, в день восемнадцатой годовщины гибели отца, Тони и Авис поженились в церкви Святого Петра. Венчал их отец Дуарте. Авис была на четвертом месяце беременности. Перед алтарем она пала в обморок, и Тони пришлось держать ее на руках в течение всей службы. На банкете в гостиной бабушки Авис вырвало – ей было всего четырнадцать лет.

В Провинстауне дети росли быстро. Город наполняли свободные художники, ищущие свободы гомосексуалисты, свободолобивые хиппи. Спиртное лилось рекой, с наркотиками

¹⁴ Avis L. Johnson, «Avis and Pete's Illiterate Writers Group». Facebook, 3 мая 2009 года.

¹⁵ * Авис Коста, беседа с Морисом Голдманом, 9 марта 1969 года.

¹⁶ * Тони Коста и Авис Коста, беседа с Лестером Алленом-старшим, 24 апреля 1969 года.

¹⁷ * Allen, A Shuddering of Girls.

проблем не было. Город напоминал горячую лаву. Дети быстро становились хитрыми и зачастую сложными подростками. И никого не волновало, что местные, которые оставались в городе после Дня труда, жили в ветхом, заброшенном городе, боролись с бедностью, депрессией, зависимостями и домашним насилием. После бурного лета наступала долгая, серая зима, вонявшая тухлой рыбой.

Авис Джонсон Коста не была исключением. К осени 1963 года она встретила мужчину своей мечты, забеременела, вышла замуж и родила первого ребенка, Питера. И все это, когда ей не исполнилось еще и пятнадцати. Но если влюбленная девушка мечтала о стабильной и безопасной жизни, романтике и, главное, о свободе рядом с красивым, зрелым мужем, Тони быстро разочаровался в обязанностях мужа и отца. После семейных ссор он часто уходил из их тесной квартиры и бродил по пляжу и дюнам. Порой его не было всю ночь. Через несколько месяцев после свадьбы Тони начал напиваться. Пьяный, он сидел на диване и орал:

– Мои ноги на меня смотрят! Дай мне полотенце, чтобы я их закрыл!

Авис приносила полотенце, но выходки мужа начинали ее бесить. Как-то раз Тони разрыдался у нее на плече:

– Я не могу больше! Мне нужно отсюда уехать!¹⁸

– Отлично, – сухо ответила Авис, высвобождаясь из хватки Тони. – Уходи. У меня осталась лучшая часть тебя – Питер.

Тони остался. Хотя такая жизнь душила его, Авис была его якорем. Он боялся, что без нее его унесет следующим же приливом. И хотя он унижал жену, постоянно напоминал, что у нее нет образования, издевался над ее кривыми зубами и заурядной внешностью, она была ему нужна – и знала это. Хоть ему и не удалось стать хорошим мужем и отцом, Тони любил Авис и малыша Питера – насколько был способен. Но он не мог дать им того, чего страстно жаждал сам: стабильную семейную жизнь, безопасность и избавление от мрачных и страшных мыслей, роившихся в его голове.

Первый год они прожили в квартирке на первом этаже на Хьюз-роуд в Труро. Авис казалось, что там жили привидения. Каждую ночь она просыпалась и видела зловещую тень в изножье постели. Она с криком будила Тони:

– Ты видишь это? Вон там, прямо там...

Он никогда не видел. Но вера ее в сверхъестественное была так сильна, что однажды Тони схватил ружье, хранившееся у постели, прицелился туда, куда она указывала и выстрелил. Пуля попала в стену над кроватью Питера. Малыш заплакал. Тони считал, что к ним является призрак его погибшего отца, но Авис видела Мрачного Жнеца, предвестника смерти. Она боялась, что он приходит забрать кого-то, кто ей дорог и кого она любит.

Жизнь молодой семьи была нелегкой. Денег вечно не хватало, хотя Сесилия подарила им на свадьбу 2450 долларов (по сегодняшнему курсу это 20 250 долларов) – 450 долларов в сберегательных облигациях и две тысячи, сэкономленные из 10 тысяч флотской страховки. Но к началу 1964 года, меньше чем через год после свадьбы, Тони все промотал (что неудивительно, если вспомнить, что он «поблагодарил» мать за подарок, сказав, что деньги для него ничего не значат и он предпочел бы иметь живого отца, словно мать была виновата в судьбе Антона).

Тони никак не мог удержаться на постоянной работе. Ему приходилось занимать деньги у всего города, и из-за этого они с Авис постоянно ссорились. Долги угнетали Тони.

– Мы ничего им не должны, – твердил он Авис.

Тех, кто одалживал ему деньги, он называл «невежественными козлами» и все время повторял:

– Они должны мне платить просто за то, что я с ними разговариваю!¹⁹.

¹⁸ * Авис Коста, беседа с Лестером Алленом, 25 июля 1969 года.

¹⁹ * Allen, A Shuddering of Girls.

Глава 4

Лайза

Маме нравилось водить машину. Казалось, ей нет дела, куда мы направляемся, лишь бы в другое место. Когда отец исчез, мы с Луизой стали все больше времени проводить на заднем сиденье маминого «Шевроле Малибу». Во время долгих поездок, особенно по ночам, Луиза чаще всего спала, привалившись к дверце за пассажирским сиденьем. Я же не могла сомкнуть глаз. Я сидела за мамой и считала фонари по сторонам дороги. Пока Луиза спала, я спрашивала маму, куда мы едем, как долго пробудем там, чем будем заниматься. В конце концов она рявкала:

– Ты когда-нибудь заткнешься?! Спи давай!

Я продолжала считать фонари и наматывать свои кудрявые волосы на указательный палец – эту нервную привычку я унаследовала от отца. Он тоже всегда так делал, когда нервничал.

Когда мы возвращались от тети и дяди Хэнка, где взрослые целый вечер пьянствовали на кухне, мама почти все дорогу ехала, высунувшись из окна, чтобы немного проветриться. В такие вечера за нами часто появлялись синие огни полицейских машин.

– Вот черт! – ругалась мама, съезжая на обочину, засыпанную гравием.

Я слышала, как она роется в сумочке, сует в рот пару пластинок жевательной резинки, бормочет «черт, черт, черт», настороженно глядя в зеркало заднего вида на полицейского, направляющегося к нашей машине. Полицейский приближался, и в машине распространялся запах коричной резинки. Обычно мама начинала улыбаться, смеяться, похлопывать полицейского по руке, и тот отделивался обычным предупреждением: «Будьте осторожнее, девушка. Вы же не хотите, чтобы с вами и вашими очаровательными девочками что-то случилось». *Очаровательные девочки*. Мне это нравилось. Мама смеялась, благодарила, и мы снова выезжали на дорогу и ехали так медленно, что даже пешком добрались бы до дома быстрее. Но в конце концов мама нарвалась на полицейского, который не отделался предупреждением. Маму на три месяца лишили водительских прав. Она все равно ездила, но на сей раз скорость старалась не превышать.

В долгих поездках мама словно забывала, что на заднем сиденье сидят дочери, и громко подпевала песням по радио. Ей нравился звук собственного голоса. Кроме того, пение не давало ей заснуть. Я тоже пела, но не вслух – мама могла разозлиться. Я научилась запоминать слова песен так же, как мамины истории. Она любила рассказывать, как я родилась. Все началось с того, как мама дрожала от холода на больничной каталке. Медсестра привезла ее в родильное отделение больницы Броктон, похлопала по плечу и ушла. Мама лежала, несчастная и одинокая. Ей страшно хотелось курить. В холле никого не было, кроме других рожениц. Женщины стонали и кричали на своих каталках.

«Чего, черт побери, я жду тут, в этом чертовом холле?» – подумала мама. Когда очередная схватка закончилась, мама нагнулась, и ее вырвало прямо на серый пол, застланный линолеумом. Голова у нее закружилась, в глазах потемнело.

Где, черт побери, хоть кто-то?

А потом родилась я.

Мама называла ту ночь худшей в своей жизни.

До сих пор не понимаю, почему она так любила об этом рассказывать.

Мама назвала меня в свою честь, Элизабет. Но все вокруг – и сама мама, и отец, и сестра, и бабушки с дедушками, и дяди с тетями, и кузены – сразу стали называть меня Лайзой. Я спрашивала, почему мама назвала меня Элизабет, но никогда так не называла. Она лишь отмахну-

лась: «Не знаю. Не помню». Впрочем, и ее саму никогда не называли Элизабет – она всегда была Бетти.

Думаю, ей казалось, что она полюбит меня, когда я появлюсь на свет. А когда стало ясно, что этого не будет, было уже слишком поздно менять имя. Я слышала, как она однажды говорила подруге: «Не все автоматически начинают любить своих детей». Мамины слова меня напугали: *значит, детей любят не все?* Нет, мама меня не ненавидела, но, пожалуй, и не любила. Она никогда не проявляла своей любви – не обнимала меня, не гладила, не целовала. Я не знала почему. Похоже, мама не любила меня с самого рождения. Ей нравилось рассказывать, что при рождении я была похожа на Боба Хоупа²⁰ – Боба Хоупа с жестокой экземой. При этих словах она всегда начинала хохотать.

Я росла, становилась выше. И мама заявила, что я похожа на Бемби – у меня такие же длинные и тощие ноги, слишком длинные для моего тела.

«Ты слишком высокая для девочки», – твердила она, словно я могла что-то с этим сделать. И волосы она мои постоянно критиковала: «Ты не можешь причесаться нормально? Твои волосы – словно клубок проволоки!» Мои уши напоминали ей уши слоненка Дамбо: «Но ты не расстраивайся. Элизабет Тейлор закрепляла уши шпильками. Твои лопухи тоже можно будет закрепить шпильками, если придется». Мне все это не нравилось. Но я понимала, что главная мамина проблема не в моих ушах-лопухах, не в моих длинных, тощих ножках Бемби и не в том, что я была безобразным младенцем с раздражением на коже. Просто я с каждым днем все больше походила на отца. Я даже смеяться начала так, как он.

²⁰ Боб Хоуп (1903–2003) – американский комик, актер, теле- и радиоведущий, который 18 раз вел церемонию вручения премий «Оскар». (Прим. ред.)

Глава 5

Тони

Тони Коста полагал, что все женщины, в том числе такие юные, как Авис, гладят одежду сыновей и мужей, стирают их трусы и поддерживают в доме безупречный порядок. Животным позволено жить лишь в подвале. Так было в доме его матери. Но, в отличие от Сесилии, Авис терпеть не могла домашние обязанности. Тем не менее в первое время она неохотно подчинялась его требованиям – когда грязной посуды в раковине становилось слишком много, он орал, что вернет ее в родительский дом. «Грязная посуда буквально с ума его сводила»²¹, – вспоминала она позже. Сесилия невестке не помогала – напротив, критиковала ее при каждом удобном случае. Ей не нравилась ее внешность, умение вести дом и растить ребенка. А больше всего ей не нравилось, как Авис заботится о ее сыне. Завидев, как Сесилия шагает по Конант-стрит, Авис с подружками стонали: «О господи, опять она!»

Авис научилась готовить, шить и стирать на стиральной доске в ванной. Но как бы она ни старалась сделать дом чистым и уютным, Тони вечно был недоволен. Он постоянно выискивал в ней недостатки, унижал и наедине, и в присутствии друзей и родственников. Он называл ее тупой коровой, плохой матерью и кошмарной женой. Вскоре он начал переходить к насилию. Авис сообщила семейному врачу, что Тони не раз бил ее и ребенка. Через год после свадьбы супруги обратились к адвокату по поводу развода, но им сказали, что нельзя просто заявить, что они больше друг друга не любят, и развестись. Так не получится, особенно когда в семье есть маленький ребенок. Они оба были католиками. Кроме того, в шестидесятые автоматический развод был невозможен – супругам нужно было назвать причину и *доказать*, что брак более невозможен.

Поэтому они продолжали свою печальную, бессмысленную семейную жизнь. Впрочем, Тони преисполнился решимости вернуть разнообразие в сексуальную жизнь. Опасный и возбуждающий секс на заднем сиденье машины в лесу Труро остался в далеком прошлом.

Тони узнал о запретной книге с описанием разнообразных сексуальных позиций и множеством рисунков. Книга называлась «Камасутра». Тони нашел ее в книжном магазине Молли Мэлоун на Коммерсиал-стрит и быстро сунул в карман, чтобы продавщица не заметила, что он интересуется «грязными проделками». Изучив картинки, Тони закрепил на потолке семейной кухни прочный железный крюк – «вовсе не для подвешивания цветочных горшков»²². Авис он заявил, что собирается подвешивать ее за ноги, чтобы кровь прилиwała к голове. Это должно было повысить ее сексуальное наслаждение. Сопя от усилий, он сумел ее подвесить, но Авис стало так плохо, что она чуть не погибла, и ему пришлось отказаться от этой идеи. Тогда он с еще большим трудом подвесил себя, закрепил веревку и принялся мастурбировать. Авис смотрела на Тони, висящего на крюке. Ей хотелось кричать. «Меня чуть не вырвало – тот, кого я любила, висел, как мертвый, выпотрошенный олень, медленно покачиваясь в свете лампы. После этого у меня к Тони осталась только жалость. Это худшее, что может случиться с женатыми людьми – жалость. Я точно это знаю»²³.

Тони подвешивал ее на крюк еще два-три раза, но потом возбуждение ослабело, и тогда он стал привязывать Авис к кровати и прижигать ее тело сигаретой²⁴. К счастью, и эта игра ему быстро наскучила.

²¹ Avis L Johnson, Facebook post, How to marry a maniac, 10 августа 2009 года.

²² Там же.

²³ * Авис Коста, беседа с Лестером Алленом, 25 июля 1969 года.

²⁴ * Джастин Кавана, досудебные заметки, мемо #1572.

Он сказал Авис, что в Сомервилле бывал на вечеринках, где парни придушивали девушек подушками, а потом делали с ними что угодно. Он потребовал и от Авис того же: он клал ей на лицо полиэтиленовый пакет и держал, пока она не теряла сознание²⁵. Однажды он потребовал, чтобы она хлестала его ремнем, пока он мастурбирует. Тони засовывал в вагину Авис деревянный член, утверждая, что она «слишком тугая». Авис считала это глупым, потому что пенис Тони был куда меньше того члена. Иногда он заставлял ее «заводить его», а потом мастурбировал практически до оргазма. Порой он падал возле кровати на колени и растирал ее обнаженное тело, одновременно мастурбируя. Авис подчинялась, но подобные желания вызывали у нее все более сильную тревогу.

Тони явно увлекался экстремальным сексом. Обычная стимуляция на него уже не действовала – нужно было что-то более опасное и необычное. Иначе ни возбуждения, ни тем более оргазма достичь не удавалось. Все это было странно и тревожно. Но пятнадцатилетняя Авис не представляла, что не все супружеские пары таким занимаются – Тони же утверждал, что это совершенно нормально. «Все, что я знаю о сексе, я узнала от Тони. И про контрацепцию тоже – так я и забеременела», – вспоминала Авис²⁶.

Ее подруга рассказывала: «Ей было всего четырнадцать или пятнадцать – ребенок родил ребенка. Что она могла знать?» Не получая сексуального удовлетворения и тоскуя по более нормальной близости времен ухаживания, Авис впала в депрессию. Тони постоянно стремился вызвать у нее чувство вины за нежелание участвовать в его все более извращенных сексуальных фантазиях. Ночь за ночью она лежала без сна, мучимая тревогой. От секса (а чаще всего от мастурбации) Тони получал мгновенное удовлетворение и засыпал, она же чувствовала себя несчастной и грязной. Она поняла, что Тони способен получить сексуальное удовлетворение, только когда она теряла сознание или находилась на грани кататонии – до этого состояния он доводил ее хлоральгидратом, «наркотиком насильника». Это сильное седативное средство было в таксидермическом наборе Тони²⁷. Авис спрашивала, почему секс ему нужен только с бесчувственным телом – «словно с мертвой». Ей хотелось поговорить с кем-то из взрослых, кто мог бы «выслушать и помочь», но в то же время она не хотела, чтобы люди узнали, что с Тони что-то не так²⁸. Она чувствовала себя одинокой, страх и тревожность нарастали.

После очередного подвешивания Авис не могла уснуть. Она открыла таксидермический набор Тони, достала флакон с хлоральгидратом. Тони крепко спал. Авис села на край, отвинтила крышку и выпила весь флакон. Она потеряла сознание и упала на пол. Голова гулко стукнулась о пол. Тони проснулся. Разбудить жену ему не удалось. Он завернул ребенка в одеяло, подхватил Авис прямо в халате и повез к семейному врачу, доктору Дэниелу Хиберту. Он звонил в дверь ночной приемной, пока доктор не выглянул. Несколько часов они промывали Авис желудок, вливали в нее кофе и водили по кабинету, пока хлоральгидрат не вышел окончательно²⁹.

Полиция сочла передозировку попыткой самоубийства. Если бы Авис умерла, Тони обвинили бы в убийстве. После этого Авис стала отказываться от извращенного секса – в результате секс между ними прекратился вовсе. Но одно исключение все же случилось, и весной 1965 года родился второй ребенок. Майкл. Тони не было еще и двадцати одного, а Авис шестнадцати.

²⁵ * Авис Коста, беседа с Лестером Алленом, 25 июля 1969 года.

²⁶ Там же.

²⁷ * Дэниел Хиберт, беседа с Джастинем Кавана, 12 марта 1969 года.

²⁸ * Авис Коста, беседа с Лестером Алленом, 17 апреля 1969 года.

²⁹ * Дэниел Хиберт, беседа с Джастинем Кавана, 12 марта 1969 года.

Глава 6

Лайза

У моей матери были грандиозные мечты и вкусы. Ей хотелось путешествовать, проводить лето на пляже и, главное, найти красивого мужчину, который наденет ей на палец кольцо с огромным бриллиантом. Но она работала всего лишь учительницей трудового воспитания в старшей школе Стоутон. Естественно, что денег на реализацию подобных мечтаний у нее никогда не было. Поэтому весной 1966 года, когда тетя предложила ей летом поработать горничной в мотеле, которым владел ее муж, дядя Хэнк, мама сразу согласилась. Мотель только что построили в Кейп-Коде. Маме казалось, что она делает первый шаг к осуществлению своей мечты. В Кейп-Коде можно было встретить богатого мужчину. Впрочем, мамин отец, дед Джорджи, считал, что в Провинстауне живут только шлюхи и цирковые уроды. Или Хай-аннис-порте? Не важно. Мама не обратила на его слова никакого внимания, и мы стали собираться.

Я зашла в ее комнату.

– А сколько ехать до Провинстауна? – спросила я, садясь на кровать.

– Слезай, – рявкнула мама, сталкивая меня с кровати. – Я только что ее застелила.

Мама толкнула меня довольно сильно, я чуть не упала. Пришлось отойти к дверям, чтобы она до меня не достала. Я молча наблюдала, как она расправляет блузку, на которую я села. Сама не замечая, я начала расчесывать красные пятна на сгибах рук и под коленями. Мама говорила, что я родилась с экземой, а после ухода отца болезнь еще более усилилась, распространилась на живот, пальцы и запястья. Иногда состояние мое ухудшалось, и я расчесывала руки и ноги до крови, пачкая одежду. Иногда дед устраивал мне ванну с эпсомскими солями – он знал одно лишь средство от всех болезней, и средством этим была теплая ванна. На какое-то время зуд утихал, но красные пятна оставались. И все же после ванны я всегда чувствовала себя лучше.

– Прекрати чесаться! – мама отвлеклась от сборов. – Будет только хуже.

Я послушно вытянула руки по швам, хотя зуд в тот день был особенно сильным. Крохотные водяные пузырьки покрывали руки от запястий до локтей.

– Мам, ну сколько мы будем ехать? – снова спросила я, тайком потирая зудящие руки.

Мама на мгновение замерла, и я опасливо отступила назад. Она повернулась ко мне, поджала губы, глаза превратились в щелочки.

– Сколько раз я говорила, чтобы ты называла меня «мамочкой»? – прошипела она сквозь сжатые зубы. – «Мам» говорят только придурки-полукровки из плохих семей.

Полукровки. Прошли годы, прежде чем я поняла, что даже если я говорила неграмотно, то *мама* разговаривала еще более неграмотно, как говорят в низшем классе. Ей казалось, что «мамочка» звучит стильно – так, наверное, говорят в клане Кеннеди.

– Ну сколько мы будем туда ехать, *мамочка*? До обеда доедем?

– Ради всего святого, ну откуда мне знать? – огрызнулась мама, укладывая идеально сложенную блузку в чемодан и доставая другую. – Я тебе что, карта? Спроси у бабушки.

Бабушка и дед Джорджи жили рядом с нами в Вест-Бриджуотере. Дед построил на своей земле небольшой домик на две спальни для мамы с отцом, когда они поженились, и с тех пор мы там и жили. Деда я нашла там, где обычно – в подвале. Он давно обустроил себе что-то вроде кабинета с энциклопедиями. На специальной полке стояли небольшие бутылочки со спиртным под белыми завинчивающимися крышками. Мне часто казалось, что дед страдает из-за своей старости. Иногда он спотыкался, когда просто шел по комнате, в другие моменты злился на инструменты – он мог с громкими ругательствами запустить гаечным ключом в стену амбара.

На дороге он часто раздражался на машины в потоке: «ВОДИТЬ СНАЧАЛА НАУЧИСЬ, ПРИДУРОК!» У него всегда неприятно пахло изо рта – чем-то кислым, похожим на рвоту.

Все знали, что злить деда Джорджи нельзя. Мама знала это лучше всех. Когда ей было около тринадцати, она нагрубила матери, моей бабушке. Мама и опомниться не успела, как дед перекинул ее через колено, стянул трусы и отшлепал как маленькую девочку. То, что в тринадцать лет ее отшлепали по голой попе, стало для мамы худшим событием в жизни. К сожалению, пережитый стыд не помешал ей поступать со мной точно так же. Я всегда думала, почему дед и бабушка никогда не останавливали дочь, когда она меня била. Наверное, поэтому. Они сами научили ее, как быть матерью.

Я спустилась в подвал. Дед Джорджи сидел в кресле, положив ноги в тяжелых рабочих ботинках на металлический стол. Дед так никогда и не закончил свой подвальный «кабинет». Перегородок там не было, только балки. Мне нравилось играть между ними. Заслышав мои шаги, дед быстро сделал последний глоток и швырнул бутылочку в мусорный бак, стоявший в углу. Раздался звон, но бутылочка отскочила от бака и покатилась по полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.